

5. Кузнецова Е.В. Клиповое мышление как фактор изменения образовательных технологий в высшей школе / Е.В., Резер Т.М. Кузнецова // Акмеология профессионального образования : материалы 14-й Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 367–370.
6. Солдатова Г.У. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, №. 4. – С. 87–97.
7. Чернышов С.В. Технология развития критического мышления на уроках иностранного языка / С. В. Чернышов // Иностранные языки в школе. – 2021. – № 9. – С. 41–48.

REFERENCES

1. Akimova, T. (2019), "The essence of critical thinking: from Socrates to the present", *Kazakhstan Science Journal*, Vol. 2. No. 5(6). pp. 31–45
2. Alekhin, A. and Grekova, A. (2019), "Features of the formation of thinking in a digital environment", *Clinical and special psychology*, Vol. 8. No. 1, pp. 162–176.
3. Botsoeva, A. and Mosina, O. (2020), "On the need to develop critical thinking skills of modern students within the distance learning format", Vol. 67-4. pp. 51–55.
4. Elistratova, N. (2019), "Modern problems of informatization of higher education", *Bulletin of Ryazan state University for S.A. Esenin*, No. 4. pp. 12–13.
5. Kuznetsova, E. and Rezer, T. (2018) "Clip thinking as a factor of changing educational technologies in higher education", *Acmeology of professional education: materials of the 14th International Scientific and Practical Conference*, Ekaterinburg, pp. 367-370.
6. Soldatova, G. and Rasskazova E. (2020), "The results of digital transformation: from online reality to mixed reality", *Cultural-historical psychology*, Vol.16, No. 4. pp. 87-97.
7. Chernyshov, S.V. (2021), "Technology for the development of critical thinking in foreign language lessons", *Foreign languages at school*, No, 9, pp, 41–48.

Контактная информация: nromanova259@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.01.2023

УДК 159.99

ДИСТАНЦИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Людмила Евгеньевна Тарасова, кандидат педагогических наук, доцент Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

Аннотация

В статье анализируется феномен «дистанция» как характеристика человеческих отношений, рассмотрены основные подходы к определению всех видов дистанции, рассмотрению их функций и составляющих. Особое внимание уделено анализу феномена виртуальной дистанции, а также последствий ее нарушения. Приводятся данные о структуре, содержании и причинах возникновения и динамики разных видов дистанции субъектов естественной коммуникации. Формулируется вывод о необходимости установления благоприятной дистанции для конструктивного социального взаимодействия.

Ключевые слова: дистанция, социальное взаимодействие, физическая дистанция, виртуальная дистанция, социальная дистанция, психологическая дистанция, социально-психологическая дистанция.

DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p597-600

DISTANCE IN THE STRUCTURE OF SOCIAL RELATIONS

Lyudmila Evgenievna Tarasova, the candidate of pedagogical sciences, docent, Saratov State University

Abstract

The article analyzes the phenomenon of "distance" as a characteristic of human relations, considers the main approaches to determining all types of distance, considering their functions and components. Special attention is paid to the analysis of the phenomenon of virtual distance, as well as the consequences of its violation. The data on the structure, content and causes of the emergence and dynamics of different types of distance of subjects of natural communication were given. The conclusion was formulated about the need to establish the favorable distance for constructive social interaction.

Keywords: distance, social interaction, physical distance, virtual distance, social distance, psychological distance, socio-psychological distance.

Отличительной особенностью современного общества является эскалация конфликтной обстановки во всех сферах жизни общества, что неизбежно приводит к возникновению такого социального феномена как дистанция, служащая для определения различий в отношении человека к другим людям. Именно с помощью установления различных дистанций происходит структурирование социального пространства.

В «Словаре русского языка» слово «дистанция» определяется как «расстояние, промежуток между чем-н.» [3]. Слово «расстояние» означает различие между кем-либо в социальном, служебном и т. п. положении; «промежуток» – пространство, разделяющее что-либо. Выделяют разные виды дистанций. Так, в условиях пандемии население постоянно призывали к соблюдению «социальной» дистанции, которая на самом деле является физической, призванной ограничить контакты и максимально увеличить расстояние между людьми.

Эдвард Холл, исследуя территориальное поведение людей, создал проксемику – область науки, исследующую пространственно-временную систему общения, выделив четыре зоны, в основе которых лежит контролируемая дистанция между субъектами: интимную, определяемую рамками телесного контакта; личную, вход в которую ограничен кругом лиц, с которыми человека объединяют доверительные отношения; социальную, зарезервированную для делового общения и публичную, предполагающую общение с большой группой людей [2].

Поскольку виртуальная реальность решительно вторглась в реальность настоящую, представляется возможным выделить еще один тип территориальной дистанции – виртуальную, где также осуществляется общение. К положительным моментам виртуальной дистанции можно отнести то, что каждый из собеседников чувствует свою защищённость, потому как находится на своей территории, следовательно, все собеседники равны в условиях. Но из-за отсутствия представлений об истинной физической дистанции между собеседниками, у общающихся в Интернете могут проявляться повышенная эмоциональность, раскрепощённость, иллюзия вседозволенности и безнаказанности, что часто приводит к снижению порога толерантности. Кроме того, наличие виртуальной дистанции с размытым представлением о дистанции как таковой и такие особенности киберсреды, как анонимность, асинхронность в симбиозе могут стать проводниками социальных интеракций девиантного характера [4].

Термин «социальная дистанция» Г. Зиммеля тесно связан с социальным статусом, отражает положение отдельного человека и групп людей в социальном пространстве, уровень их близости или отчуждённости. Социальная дистанция неподвзято отражает различия, существующие между группами – этнические, политические экономические, идеологические и многие другие. Социальная дистанция регламентируется традициями, обычаями, законами и её нарушение может быть санкционировано как формальными, так и неформальными методами.

В отличие от социальной дистанции, отражающей объективно существующее различие в положении людей в социуме (в статусах, ролях и т. д.), дефиниция «психологическая дистанция» декларирует отношение к другим членам общества, степень их принятия или непринятия. При этом нельзя отождествлять психологическую дистанцию с зонами личного пространства, представляющими реальную дистанцию между индивидом и дру-

гими людьми. Концепт «психологическая дистанция» тесно сопряжён с такими терминами, как «психологическое пространство», «психологическая защищенность», «свобода личности». А.Б. Купрейченко определяет психологическую дистанцию как понятие, посредством которого представляется возможным оценить различия в человеческих отношениях [2], а С.В. Духновский, рассматривая психологическую дистанцию как важнейшую характеристику межличностных отношений, отмечает, что она является показателем близости – отдаленности между субъектами, а её изменение выступает в качестве индикатора удовлетворенности – неудовлетворенности, гармоничности – дисгармоничности межличностных отношений [1].

Близость отличает переживание интимности, тесной взаимосвязи, открытость, гармония отношений, отсутствие стремления контролировать другого и манипулировать им. Но экспансивное проявление дружелюбия, чрезмерная навязчивость провоцируют возникновение дисгармонии, приводят к неудовлетворенности отношениями и как следствие приводит к желанию отдалиться от партнёра, дистанцироваться от него [5]. Если близость детерминирована симпатией и притяжением, то чувство неприязни или антипатии интерпретируется как проявление фрустрации, дисгармонии отношений, что увеличивает дистанцию. Отношения в этом случае характеризуются конфликтностью, немотивированным проявлением обидчивости и агрессивности, что, в конечном счёте, приводит к аннулированию отношений между субъектами.

Отдаленность субъектов отношений проявляется как эмоциональная холодность, отсутствие близости и доверия. При этом необходимо отметить, что некий процент ограничения, временной изолированности необходимы для поддержания гармоничных отношений, что, по мнению С.В. Духновского, «помогает личности полнее осознать свою индивидуальность и служит сохранению приемлемого психологического пространства субъектов отношений, а также предоставляет возможность проявить индивидуальную ответственность за себя, за свои отношения, за своего партнера. Без некоторой отдаленности не может произойти «столкновение», а потом и сближение ценностных ориентаций, мотивов людей в межличностных отношениях; не может стать отчетливым различие «Я» от «Ты», впрочем, не препятствующее переходу в «Мы» [1].

Психологическая дистанция выполняет несколько взаимосвязанных и взаимозависимых функций: регулятивную, координирующую межличностные взаимодействия; защитную, содействующую сохранению автономии взаимодействующих субъектов; дифференцировочную, способствующую разграничению отношений в зависимости от степени близости-отдаленности субъектов; антиципирующую, позволяющую гибко выстраивать отношения с партнером и регламентирующую, задающую определенную степень доверия в зависимости от ситуации взаимодействия.

Психологической дистанции как характеристики отношений не может быть там, где нет воздействия субъектов друг на друга, генерирующего их взаимную связь и обусловленность. Характер складывающихся отношений и психологическая дистанция строго взаимосвязаны – изменение одного из этих параметров существенно влияет на другой. В качестве особого вида психологической дистанции выделяют социально-психологическую дистанцию, понимаемую как отношение к человеку как к члену социума, «социальному объекту» [2]. Именно эта разновидность дистанции, являясь одной из основных референций взаимоотношений людей, определяется стремлением к сближению или избеганию, что выражается в желании привлечь к себе внимание, заинтересовать собой, понравиться другому, либо, напротив, в стремлении прекратить отношения.

В качестве компонентов социально-психологической дистанции выделяют когнитивную, эмотивную, коммуникативную, поведенческую и деятельностную [2]. Когнитивная составляющая отражает степень взаимопонимания между людьми; эмотивная составляющая является показателем коэффициента сплачивающих и изолирующих чувств в процессе взаимодействия; коммуникативная составляющая демонстрирует степень дове-

рия общающихся субъектов, их готовность делиться информацией; поведенческая и деятельность составляющие предполагают наличие намерения коллективно реализовывать какую-либо деятельность и поведение. Чем обширнее список дел, предполагающих совместное осуществление, тем, как правило, короче дистанция как характеристика межличностных отношений субъектов, тем она благоприятнее, что означает обладающую правильными пропорциями степень конгениальности – изолированности субъектов взаимодействия, их автономию, обоюдное переживание удовлетворенности отношениями друг с другом.

Центральными задачами установления благоприятной дистанции выступают: обеспечение эффективности взаимодействия в различных видах деятельности, получение различных видов помощи и поддержки, возможность освоить новую социальную роль, поддержание идентичности и групповой принадлежности, раскрытие собственного потенциала.

Трансформация социально-психологической дистанции отрицательно сказывается на характере контактов, её излишнее сокращение или экспансия, приводит к неудовлетворенности отношениями, к деструктивному взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духновский С.В. Социально-психологическая дистанция в межличностных отношениях: факторы и регуляция / С.В. Духновский, Л.В. Куликов // Вестник СПбГУ. – Сер.12. – 2009. – Вып. 2. – С.20–26.
2. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия / А.Б. Купрейченко – Москва : Ин-т психологии РАН, 2008. – 569 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов – Москва : Русский язык, 1981. – 816 с.
4. Шаров А.А. Особенности киберагрессии как современного феномена девиантной активности молодежи // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 6 (184). – С. 486–490.
5. Шмелев А.Г. Основы психодиагностики: учебное пособие для студентов педвузов / А. Г. Шмелев. – Москва, Ростов-на-Дону . : Феникс, 1996. – 544 с.

REFERENCES

1. Duxnovskii, S.V. and Kulikov, L.V. (2009), "Socio-psychological distance in interpersonal relations: factors and regulation", *Vestnik of St. Petersburg University*, Ser.12, Iss.2, pp. 20–26.
2. Kuprejchenko, A.B. (2008), *Psychology of trust and distrust*, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
3. Ozhegov, S.I. (1981), *Dictionary of the Russian language*, Moscow.
4. Sharov, A.A. (2020), "Features of cyber aggression as a modern phenomenon of deviant activity of youth", *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, No. 6 (184), pp. 486–490.
5. Shmelev A. G. (1996), *Fundamentals of psychodiagnostics: a textbook for students of pedagogical colleges*, Phoenix, Moscow, Rostov- on-Don.

Контактная информация: let01@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2023

УДК 159.9.072

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЗАВИСИМОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Ксения Игоревна Шишкина, кандидат педагогических наук, доцент, **Марина Владимировна Жукова**, кандидат педагогических наук, доцент, **Елена Владимировна Фролова**, кандидат педагогических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск